

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

веке все люди ездили в каретах, носили цилиндры, жили во дворцах, были целомудренными и благородными. Действительно, нравственные критерии в обществе были другими, но это не значит, что они полностью превращались в норму.

Кроме того, существуют эстетика времени и музыкальная драматургия. Для истории, которую я хотел рассказать, больше всего подходил 1957 год. В главном театре страны — заграничная звезда. В Советском Союзе не было такой практики, но именно тогда проходил Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, в рамках которого это могло случиться.

Кроме того, дистанция в 60 лет достаточна для того, чтобы время было мифологизировано. Раз так, получается почти сказка.

— В прошлом году театр ставил оперу-буфф «Оранго» и балет «Условно убитый». Нынешнюю премьеру вы прокомментировали так: «Недавно мы в балете на вновь открытую музыку Шостаковича «примирялись» с 30-ми годами, сейчас будем «мириться» с 50-ми годами XX века». Каковы, с вашей точки зрения, основные точки конфликта в отношениях современности с этими эпохами?

— Субъективные впечатления, возникающие, когда находишься внутри процесса, всегда ошибочны. Например, балерина, пусть даже великая, всегда работает с репетитором, потому что нужен взгляд со стороны. Мне как создателю спектакля тоже очень трудно посмотреть на него отстранённо. Поэтому я приглашаю людей (в том числе непрофессионалов), которые ещё не видели балет, посмотреть со стороны, критически.

То же самое происходит с нами в отношениях с эпохой. Мы живём в 2016 году, но не можем вполне объективно оценить нынешнее время, это смогут сделать лишь будущие поколения.

Рубеж 1950–1960-х годов был неоднозначным периодом. С одной стороны — оттепель, с другой — новые гонения на церковь и искусство, продолжающийся идеологический прессинг. Проходит Всемирный фестиваль, но люди всё равно находятся за железным занавесом. У нас в спектакле отражено, какой бюрократический ад люди должны были пройти, чтобы выехать за границу, даже в соцстрану. А что нужно было пройти, чтобы поехать в капстрану!

Да, надо примириться, понять, что это было. Только тогда можно двигаться дальше. Это стандартный психологический приём: чтобы справиться с последствиями сложного периода, нужно заново пережить его в положительном ключе. Пережить и отпустить.

Кроме того, многие молодые люди, которые придут на спектакль, совершенно не знакомы с тем историческом периодом. Возможно, увидев что-то на сцене, они заинтересуются им.

Так совпало, что мы ставим «Золушку», когда в воздухе витает интерес к 1960-м. Делают сериалы, ставят спектакли, связанные с той эпохой. Видимо, есть какой-то резонанс с ней. Можно попытаться выстроить определённые арки и задать себе определённые вопросы.

— В прошлом вы часто выбирали для своих постановок неожиданную музыкальную основу, в частности музыку Aphex Twin и группы

2N Company. Не планируете ли вы подобные эксперименты в ближайшем будущем?

— Ну, посмотрите, сколько мне было лет тогда! Хотя это был интересный опыт. Но балет «Ринг» скорее фестивальный проект, а не репертуарный спектакль. Теперь я, скажем так, умудрённый опытом руководитель балетной труппы. Сейчас стремлюсь тратить деньги театра и время труппы на то, что останется в репертуаре, на что будут ходить люди, на чём будут расти поколения.

На самом деле, у нас с Теодором Курентзисом есть задумка сделать фестивальную группу, но не совсем на базе театра. Нужно выходить за рамки репертуара, но для этого необходимы средства и время.

— Вы неоднократно настаивали на необходимости улучшить материальное положение театра, особенно обновить репетиционные залы и, как следствие, расширить труппу. Приходится ли вам дополнительно мотивировать артистов, помогая им психологически справиться с постоянными неудобствами?

— Они сами всё видят. Естественно, когда мы ставим такой масштабный спектакль, труппы не хватает. Все премьеры театра учат кроме главных партий ещё и партию дяди Яши. Если человек уходит в сольную партию, другой становится на его место. У нас просто нет другого выхода. К сожалению, артисты вынуждены учить много партий в рамках одного спектакля, а это очень трудно.

По большей части люди работают с удовольствием. В «Условно убитом» у меня была похожая ситуация, когда премьеры танцевали партии хулиганов. Они делали это с такой отдачей, так раскрашивали роли, что было непонятно, на кого смотреть — на исполнителей главных ролей или на хулиганов!

Получилось своего рода приключение, им было интересно попробовать себя в другом качестве. Выходил же Харун ар-Рашид на рынок в одежде простолудина: ему было интересно потолкаться, послушать, что говорят люди. Это тоже элемент психологической разгрузки.

— Верно ли, что новая партия Золушки (в либретто — партия Веры Надеждиной) будет кардинально отличаться от классического варианта, который исполняла Галина Уланова? Будут ли переклички?

— А как же она может не отличаться, если мы делаем новый спектакль! Во втором акте молодой хореограф Юрий Звёздочкин показывает премьеру в главном театре. Так появляется продолжительный кусок традиционной, как принято считать, постановки, которая похожа на ту, что была в конце 1950-х. Принц, Золушка, мачеха, сёстры, придворные, рококо — всё это есть в нём. Поэтому переклички с так называемой классической «Золушкой», конечно, будут.

— Вы как-то говорили, что работа занимает большую часть вашей жизни, что репетиции порой начинаются утром и заканчиваются поздно вечером. Что может послужить эмоциональной разгрузкой для вас после премьеры и напряжённого периода подготовки к ней?

— Всегда по-разному. Нет универсальной формулы: брать бутылку коньяка или идти в горы. Иногда бывает достаточно побыть в тишине, чтобы потом из неё проступило что-то новое.

ДОБАВИТЬ В ИЗБРАННОЕ

Виды медитации

Must hear: обзор музыкальных новинок от Павла Катаева

Anton Maskeliade — «О»

Постоянный поиск новых возможностей музыкального симбиоза — так можно описать творческий метод москвича Антона Маскелиаде. Получив известность как гуру технологии leap motion, позволяющей извлекать музыку взмахами рук с помощью «волшебного кольца», Антон продолжает экспериментировать на грани правдоподобия. Не сразу поверишь, что дирижирование «автомобильным органом» или запись в электричке через переносную студию действительно происходили. Однако документальные подтверждения в виде роликов выглядят убедительно и зрелищно, не говоря уже о выступлениях на крупных российских и зарубежных фестивалях.

Новый альбом, лаконично названный «О», Маскелиаде сравнивает со сборником рассказов. В нём, по сравнению с предыдущими работами, действительно больше текста, обычно на английском языке, но иногда перескакивающего на русский. Впрочем, главными героями здесь становятся звуки. Некоторые из них собраны диктофоном в барах, подъездах, переходах в разных точках мира. Другие сгенерированы современными приложениями и аналоговыми синтезаторами. Наконец, стоит отдать должное способности самого Антона, барабанщика Сергея Болотина и басиста Феликса Микенского обращаться с традиционными инструментами, в том числе банджо, гитарами, фортепиано, ударной установкой. Местами композиции «О» кажутся даже перенасыщенными продюсерскими изысками. Немудрено задохнуться от переизбытка чувств, когда позволяешь зазвучать каждой частице физического пространства.

Serafim Tsotsonis — She Swims

«Эмоциональный и интроспективный звук, свободный от жанровых границ, идеальный для прослушивания в наушниках, ночных поездок и приватных встреч», — так определяет сферу своих интересов американский лейбл Hush Hush. Композиции греческого композитора и продюсера Серафима Тсотсониса соответствует этому описанию в полной мере. Прежде писавший музыку для театра, кино и телевидения, а также игравший в дуэте Ocean Nore со своей сестрой Анжеликой, сейчас Тсотсонис выпускает четвёртый сольник, пополняя каталог Hush Hush. Далёкий от самой необходимости стиливых трактовок, She Swims, однако, вполне конкретен по эмоциональной направленности.

Бас, виолончель, скрипки, труба, флейта — возможности камерного оркестра Тсотсонис намеренно растворяет в медленном электронном потоке. Возникающий из этого синтеза эмбиент — музыка, изначально стремящаяся к бессюжетности, подходящая для возвышенного отдыха в одиночестве или в компании того, с кем можно помолчать. Серафим Тсотсонис записывал альбом в домашней студии в Афинах, где он сейчас живёт, но вдохновлялся образами из родного Коринфа — города, некогда давшего имя нарядному архитектурному ордеру, а теперь превратившегося в тихую провинцию. Ту же призрачно-терапевтическую красоту излучает и пластинка She Swims: успокоив нервы, эта музыка, скорее всего, улетучится, не оставив в памяти и следа.

Jeff Parker — Slight Freedom

Новый альбом Джеффа Паркера был обнаружен на сайте All About Jazz, что больше похоже на случайность. Гитарист из Лос-Анджелеса, участник проектов Tortoise, Isotope 217, Chicago Underground Trio ищет вдохновение далеко за пределами джазовых стандартов и джем-сейшнов. В поле его интересов попадают поп-музыка, экспериментальная электроника, работы Джона Кейджа. Всё это, однако, не противоречит тому факту, что первый сольный альбом Паркера Slight Freedom соответствует собственному названию и философии джаза — стремлению к свободе через виртуозное самовыражение.

На бытовом уровне Slight Freedom может показаться серией черновых записей. В заглавном треке гитарист методично повторяет один несложный рифф под звук драм-машины, которая почему-то резонирует сильным эхо. Со временем начинаешь догадываться, что это род медитации, и замечаешь, что кружение дервиша на гитарном грифе уходит в ту электронную невесомость, в которую когда-то уходила музыка Tangerine Dream. Тремя другими актами созерцания звуковых метаморфоз становятся композиции Mainz, Lush Time и Super Rich Kids — не что иное, как кавер на песню Фрэнка Оушена. Рецензент с All About Jazz называет сольник Паркера одним из лучших альбомов года. Однако чтобы принять этот вывод, нужно напрочь забыть о привычном характере сводных декабрьских рейтингов.

